

ДЖЕННИФЕР
ЛИНН БАРНС

ДУРНАЯ

Крoвь

LIKE
BOOK

МОСКВА

ДЖЕННИФЕР
ЛИНН БАРНС

ДУРНАЯ
Крoвь

LIKE
BOOK

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б25

Jennifer Lynn Barnes

BAD BLOOD

Copyright © Jennifer Lynn Barnes, 2016
This edition published by arrangement with Curtis Brown Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *М. Кармановой*

Художественное оформление *Я. Клыга*

Барнс, Дженнифер Линн.

Б25 Дурная кровь / Дженнифер Линн Барнс ; [перевод с английского М. Кармановой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с.

ISBN 978-5-04-221982-5

Когда Кэсси Хоббс согласилась помогать ФБР в расследованиях, она всего лишь хотела узнать правду об убийстве матери. Но после событий в Лас-Вегасе ей открылась шокирующая правда. Ее мать жива! Но державшие ее в плену люди — самые опасные серийные убийцы, с которыми «Прирожденным» приходилось когда-либо сталкиваться.

А это значит, что будут новые жертвы. Новые предательства. Новые секреты.

Пока Кэсси и команда пытаются продвинуться в расследовании, преступники наносят новый удар.

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-221982-5

© М. Карманова, перевод на русский язык, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Уильяму,
который помогал мамочке
редактировать эту книгу,
когда ему было всего пять недель от роду*

ТЫ

Е*сли нет порядка, приходит хаос.
Если нет порядка, приходит боль.*

*Колесо вращается. Обрываются жизни. Семь Мастеров.
Семь способов убивать.*

На этот раз — время огня. Девять — это огонь.

Так было предначертано, и так будет. Колесо уже вращается. Таков порядок вещей. И в центре всего этого — абсолютно всего — ты.

ГЛАВА 1

У серийного убийцы, который сидит напротив меня, глаза как у его сына. Та же форма. Тот же цвет. Но блеск в этих глазах, отсвет предвкушения — *исключительно твой.*

Опыт и мои наставники из ФБР научили меня, что я могу погружаться глубже в сознание других людей, если буду говорить с ними, а не о них. Я продолжала рассматривать человека, сидевшего передо мной, привычно составляя психологический портрет. *Ты сделал бы мне больно, если бы мог.* Я знала это, знала еще до того, как пришла в эту тюрьму максимально строгого режима, до того, как увидела едва заметную улыбку, которая промелькнула на губах Дэниела Реддинга в тот момент, когда его взгляд встретился с моим. *Если ты сделаешь мне больно, то и моему сыну будет больно.* Я все сильнее погружалась в психопатическое мироощущение Реддинга. *А причинять боль сыну — твое право.*

Не важно, что руки Дэниела Реддинга закованы в наручники, а их цепь прикреплена к столу. Не важно, что дверь охранял вооруженный агент ФБР. Человек напротив был одним из самых жестоких серийных убийц в мире, и, если я позволю ему проникнуть за мою защиту, он оставит свою

метку на моей душе с той же убедительностью, с которой он выжигал R на телах своих жертв.

Связать. Заклеймить. Порезать. Повесить.

Вот так Реддинг убивал своих жертв. Но сегодня я пришла сюда не для того, чтобы говорить об этом.

— Однажды вы сказали мне, что я никогда не найду человека, который убил мою мать, — произнесла я, надеясь, что мой голос звучит спокойнее, чем я себя чувствую. Я знала этого конкретного психопата достаточно хорошо, чтобы понимать — он попытается вывести меня из себя.

Ты пытаешься проникнуть в мой ум, заставить меня задаваться вопросами, сомневаться, чтобы, когда я выйду из этой комнаты, часть тебя покинула ее вместе со мной.

Именно это Реддинг проделал несколько месяцев назад, когда произнес те ошеломительные слова о моей матери. И вот почему я вернулась сюда сейчас.

— Я правда так сказал? — спросил Реддинг и улыбнулся — медленно, едва заметно. — *Похоже* на что-то, что я и правда мог упомянуть, но... — Он демонстративно пожал плечами.

Я ждала, сложив руки на столе. *Это ты хотел, чтобы я вернулась сюда. Это ты забросил наживку. И вот я ее ухватила.*

Наконец Реддинг нарушил молчание:

— Наверное, ты хотела сказать мне что-то еще. — Реддинг обладал терпением, которое характерно для организованных убийц, но он был готов выжидать на своих условиях, не на моих. — В конце концов, — продолжил он приглушенно, — у нас с тобой так много общего.

Я знала, что он имеет в виду мои отношения с его сыном. И также я знала: чтобы получить то, что мне нужно, мне придется это признать.

— Вы имеете в виду Дина.

Как только я произнесла имя Дина, кривая улыбка Реддинга стала еще шире. Мой парень — *прирожденный*, как и я, — не знал, что я приехала сюда. Он настоял бы на том, чтобы пойти со мной, а я не могла так поступить с ним. Дэниел Реддинг был мастером манипуляций, но ничто из сказанного им не могло ранить меня так, как каждое слово из его уст ранило бы Дина.

— А ты моему сыну приглянулась, да? — Реддинг наклонился вперед и сложил на столе скованные наручниками руки, повторяя мою позу. — Входишь к нему на цыпочках по вечерам? А он зарывается рукой в твои волосы? — Его лицо смягчилось. — Когда Дин обнимает тебя, — прошептал он, и в его голосе появилось что-то напевное, — задумываешься ли ты о том, как легко он может сломать тебе шею?

— Наверное, вам неприятно, — тихо сказала я, — что вы так невероятно мало знаете о своем сыне.

Если Реддинг хочет сделать мне больно, ему придется придумать что-то получше, чем просто заставлять меня сомневаться в Дине. Если он хочет, чтобы его слова преследовали меня много дней и недель после этого разговора, ему нужно нанести удар в самое уязвимое место. В самое *слабое* место.

— Наверное, тебе неприятно, — Реддинг повторил мои слова, — что ты так невероятно мало знаешь о том, что произошло с твоей матерью.

Перед глазами вспыхнула картина — мамина гримерная, залитая кровью, — но я заставила себя изобразить невозмутимость. Я провоцировала Реддинга, чтобы он нанес удар в самое болезненное место, и направляла разговор именно туда, куда мне было нужно.

— Ты здесь разве не за этим? — спросил меня Реддинг бархатным и низким голосом. — Узнать, что мне известно об убийстве твоей матери?

— Я здесь, — ответила я, пристально глядя на него, — потому, что знаю: когда вы клялись мне, что я никогда не найду человека, который убил мою мать, вы говорили правду.

У каждого из пяти подростков в программе обучения *прирожденных* под руководством ФБР была своя специализация. Моей был профайлинг. Лия Чжан распознавала ложь. Несколько месяцев назад она определила, что слова Реддинга о моей матери, которые звучали как провокация, на самом деле были правдой. Сейчас я ощущала присутствие Лии на другой стороне одностороннего стекла. Она была готова разделить каждую фразу, которую я вытяну из отца Дина, на *правду и ложь*.

Время выложить карты на стол.

— Вот что я хочу узнать, — отчетливо проговаривая каждое слово, обратилась я к убийце, сидевшему напротив меня. — Какую именно разновидность правды вы используете? Когда вы обещали, что я никогда не найду *того*, кто убил мою мать, было ли это потому, что ее убила *женщина*? — Я помолчала. — А может, у вас были основания верить, что моя мама еще жива?

Десять недель. Уже десять недель мы искали зацепки — любые зацепки, сколь угодно малые, чтобы выйти на группировку серийных убийц, которые около шести лет назад инсценировали смерть моей матери. С тех пор она оставалась у них в плену.

— Это не обычный визит, да? — Реддинг снова откинулся на спинку стула, наклонил голову и скосил глаза — *глаза как у Дина*, — отстраненно рассматривая меня. — Дело не в том, что напряжение стало невыносимым, не в том, что мои слова месяц за месяцем разъедали тебя изнутри. Ты что-то знаешь.

Я знала, что мама жива. Я знала, что ее держат в плену эти чудовища. И я знала, что готова на все, на сделку с любым дьяволом, чтобы до них добраться.

Вернуть ее домой.

— Что бы вы ответили, — обратилась я к Реддингу, — если бы я сказала, что существует общество серийных убийц и оно остается скрытым, убивая девятерых жертв каждые три года? — Я слышала напряжение в собственном голосе. Он звучал словно чужой. — Что бы вы ответили, если бы я сказала, что у этой группы есть сложные ритуалы, что они убивают уже больше века и что я собираюсь положить этому конец?

Реддинг наклонился вперед.

— Думаю, вот что я отвечу: хотел бы я увидеть, что они с тобой сделают, если ты попытаешься до них добраться. Увидеть, как они разрежут тебя на кусочки.

Продолжай, поехавшее чудовище. Продолжай рассказывать, что они со мной сделают. Расскажи мне все, что ты знаешь.

Реддинг вдруг замолчал, а затем усмехнулся.

— Умная девушка, а? Как ты меня разговорила. Могу понять, что мой мальчик в тебе нашел.

У меня на подбородке дернулась мышца. Я почти добралась до него. Я была *так* близко...

— Читала Шекспира, дочка? — В числе множества очаровательных качеств, которыми обладал серийный убийца, сидевший напротив меня, числилась любовь к Барду.

— «Всего превыше: верен будь себе»?¹ — мрачно предположила я, торопливо пытаюсь сообразить, как снова поймать его на крючок, как *заставить* его рассказать мне то, что он знает.

¹ «Гамлет» Шекспира цитируется в переводе Бориса Пастернака.

Реддинг улыбнулся, медленно приоткрыл рот, обнажая зубы.

— Мне вспоминается скорее «Буря»: «Ад пуст! Все дьяволы сюда слетелись!»¹

«Все дьяволы». Убийца напротив меня. Маньяки, которые похитили мою мать.

«*Семь Мастеров*, — прошептал голос в моей памяти. — *Пифия. И Девять*».

— Судя по тому, что мне известно об этой группе, — сказал Реддинг, — если твоя мать была с ними все эти годы... — Он вдруг наклонился вперед, и его лицо оказалось ко мне настолько близко, насколько позволяли цепи. — Думаю, она уже сама стала одним из этих дьяволов.

¹ «Буря» Шекспира цитируется в переводе М. А. Донского.

ГЛАВА 2

Агент ФБР, стоявший у двери, выхватил оружие, когда Реддинг наклонился ко мне. Я смотрела в лицо убийцы, которое оказалось всего в нескольких сантиметрах от моего.

Ты хочешь, чтобы я дрогнула. Насилие — это власть, контроль. Вопрос в том, кто ими обладает, а кто нет.

— Все в порядке, — сказала я сопровождающему. Агент Вэнс несколько раз помогал Бриггсу за то время, что я участвовала в программе обучения *прирожденных*. Он вызвался выступить в качестве охранника, потому что и Бриггс, и агент Стерлинг решили остаться по другую сторону одностороннего стекла. У них были свои счета с Дэниелом Реддингом, а сейчас нам было нужно, чтобы все внимание психопата было сфокусировано на мне.

— Он ничего мне не сделает, — сказала я агенту Вэнсу, обращаясь одновременно и к нему, и к Реддингу. — Он просто нагоняет драмы.

Пренебрежительные фразы, которые должны снова втянуть Реддинга в эту партию в словесные шахматы. По крайней мере, я заставила его признаться, что он знает о существовании этой группы. Теперь мне нужно было выяснить, что он узнал о ней и от кого.

Нужно сохранять концентрацию.